

УДК: 141.319.8

DOI: 10.34670/AR.2022.47.92.019

Образ-символ «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина

Честнейшин Николай Васильевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и права,
филиал Северного (Арктического) федерального университета
им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске,
164500, Российская Федерация, Северодвинск, ул. Капитана Воронина, 6;
e-mail: hobson@yandex.ru

Честнейшина Диана Анатольевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
163002, Российская Федерация, Архангельск, набережная Северной Двины, 17;
e-mail: irmavurst@gmail.com

Аннотация

Цель статьи – структурная репрезентация образа-символа «сердце» в философии И.А. Ильина. Опираясь на методы аналитической философии, герменевтики, логико-контекстуальной реконструкции и системного подхода, в статье раскрывается системно-логический каркас и смыслообразующие компоненты образа-символа «сердце» в философских построениях И.А. Ильина, исходя из контекстуальных особенностей конкретного произведения, его культурно-исторических условий и связей с другими сочинениями автора, а также с учетом идейных источников и влияний других мыслителей. Осуществлена контекстуальная реконструкция основных значений указанной философы в экзистенциально-онтологическом, аксиологическом, гносеологическом, нравственно-практическом и социально-политическом аспектах. Авторы приходят к выводу, что философия «сердца» Ивана Ильина уточняет наши представления как о религиозности русского человека в период цивилизационного слома, выразившегося в мировых войнах и революциях, так и об особенностях и закономерностях развития отечественной философской антропологии. Проведенное исследование позволяет осуществить возможность перевода общих рассуждений о «метафизике сердца» в русло количественных и качественных оценок антропологических идей. Применяемая методология позволяет экстраполировать используемую технику анализа на философские концепции других мыслителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Образ-символ «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 189-198. DOI: 10.34670/AR.2022.47.92.019

Ключевые слова

Образ-символ, сердце, субъективность, онтология, гносеология, аксиология, антропология.

Введение

В русской философии существует устойчивый интерес к внутреннему миру человека, и одним из важнейших средств описания экзистенциального бытия является образ-символ «сердце». Идея «сердца» как особого органа духовной жизни человека характерна не только для философской, но и для религиозной, художественной, педагогической литературы. В этой связи обращение к наследию Ивана Александровича Ильина (1883–1954) позволяет раскрыть все грани этой сложной темы, поскольку «сердце» понимается им как символ, манифестирующий глубинные внутриличностные детерминанты бытия человека в мире, истоки, средоточие и направленность онтологии человеческой субъективности.

Целью данной статьи является структурная репрезентация образа-символа «сердце» в философии И.А. Ильина. Задачи: выделить системообразующие элементы анализа образа-символа «сердце» в соответствии с основными уровнями и разделами философского знания; осуществить логико-контекстуальную реконструкцию основных значений образа-символа «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина. Структурно-логической схемой анализа являются экзистенциально-онтологический, аксиологический, гносеологический, нравственно-практический и социально-политический аспекты образа-символа «сердце» в философском наследии указанного мыслителя. Выбор данной схемы обусловлен, во-первых, структурой философского знания, а во-вторых, основными темами, которые являются предметом осмысления в произведениях русского философа.

Литературный обзор

В XIX–XX вв. тема «сердца» привлекала внимание как православных богословов – Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, П.Д. Юркевича, В.А. Снегирева, С.М. Зарина, М.М. Тареева, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), так и представителей религиозно-философской мысли – Б.П. Вышеславцева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского. Из современных исследований выделяются работы А.И. Абрамова, Н.К. Гаврюшина, М.Н. Громова, А.М. Буланова, Б.В. Маркова, И.И. Семаевой, Г.Я. Стрельцовой и С.С. Хоружего. Отечественные историки философии и литературы анализируют понимание символа «сердце» у Б. Паскаля, Г. Сковороды, П.Д. Юркевича, Ф.М. Достоевского, Б.П. Вышеславцева и П.А. Флоренского, исследуют исихастские истоки русской философско-антропологической концепции сердца первой половины XX века. Вместе с тем явственно ощущается недостаток аналитических исследований темы «сердца» в творчестве И.А. Ильина, хотя в целом его воззрениям посвящено большое количество статей и монографий, но данная тема освящается либо в сравнительно ограниченном предметном круге, как, например, в статье Т.П. Самсоновой [Самсонов, 2017] представлена интерпретация «поющего сердца» русского философа в аспекте музыкального творчества, либо в широком метафизическом и антропологическом контексте, как в работе Р.А. Бурханова [Бурханов, 2017], но без строгой систематизации, подчиняясь влиянию вольной мысли отечественного любомудра.

Материалы и методы

Методология настоящей статьи продиктована особенностями текстов Ильина, которые представляют собой не строгие научные трактаты, а скорее свободные размышления в форме эссе, такие как «Путь духовного обновления», «Путь к очевидности», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и др., кроме того, важную часть его наследия составляют публицистические работы и письма. Русский философ никогда не стремился к построению жестко структурированной системы, предпочитая достигать «очевидности» и «предметности» скорее с помощью художественных средств, а не через конструирование абстрактно-логических концептов. Отсюда вытекает и специфика философского языка Ильина, который носит по преимуществу образно-символический характер, в нем присутствуют метафоры и аналогии, выражена существенная эмоциональная окраска. Поэтому исследователю творчества И.А. Ильина для достижения целостного понимания его философских воззрений необходимо реконструировать их системно-логический каркас и раскрыть смыслообразующие компоненты, исходя из контекстуальных особенностей конкретного произведения, его культурно-исторических условий и связей с другими сочинениями автора, с учетом идейных источников и влияний других мыслителей.

1) Экзистенциально-онтологический аспект символа «сердце» представлен следующими значениями:

- базисная структура человеческого бытия, средоточие его сущностных сил и дел, «проистекающих из внутреннего мира» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 277], «чувствительный центр его личной жизни» [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 124];
- источник творческой активности, «внутреннего горения», стремления к *«подлинной реальности, субстанции* всяческого бытия и всякой жизни» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 383];
- условие «цельности» [там же, 414] и «глубины» человека [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 125];
- «бессознательная бездна сердца» – место, где происходит «накопление, концентрация и перегорание» внутреннего и внешнего опыта [там же, 133];
- символ единства телесного, душевного и духовного бытия человека [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 196], что полностью отвечает христианскому концепту трихотомного состава человеческого существа;
- «созерцающее сердце» как онтологическое ядро, из глубин которого человек вопрошает о тайнах бытия Бога, мира и самого себя [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 461];
- средоточие экзистенциальных переживаний, выражающих внутреннюю противоречивость человеческого существования под модусом вечности. Сердце может быть «испуганным», «мертвеющим», и тогда в человеческой душе все становится «искусственным, натянутым, раздвоенным, фальшивым» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 92], тогда как «огонь духа, проникая в сердце зачерствелого человека, способен зажечь его» [там же, 87], поэтому «последняя сердечная глубина» обнаруживается даже у грешника и преступника [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 447];
- основание подлинного «Я», центр экзистенциального бытия личности, точка созревания «судьбоносных решений», «я то, о чем от всего сердца откровенно, не колеблясь,

высказываюсь... Я – мое “око”. Я – мое “сердце”. Я – мое “слово”, которое образуется из “понимания” сердца. Я – мое “деяние”, которое следует моему оку, сердцу, слову» [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 222];

- орган восприятия Бога и религиозных чувств, «глубочайшее чувствилище», в котором человек переживает «подлинное посещение Бога» [Ильин. Религиозный смысл философии Три речи. 1914–1923, 1994, 477], только «сердечно-слепые» люди, по Ильину, не видят «свет живой религиозности» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 557]. «Кто взывает к Богу из глубины сердца, в том уже действует внутренне сам Господь; и это есть действительное, опытное и очевидное доказательство Его бытия» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 80].

Таким образом, первый аспект образа-символа «сердце» отсылает нас к сложной и противоречивой структуре онтологии человеческой субъективности. Второй аспект этого символа дополняет и обогащает ее ценностными смыслами.

2) Аксиологический аспект символа «сердце» представлен следующими значениями:

- орган, направленный на объективное благо, «на объективное качество, или достоинство вещей», сердце «духовно насыщается», «утешается», «наслаждается», «любит» «подлинное совершенство» [там же, 75-76];
- пространство, включающее в себя иерархическую систему ценностных ориентаций. «Бессердечная воля» является «животной алчностью и злым произволением» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 394], «бессердечная культура» заставляет человечество переоценивать чувственные наслаждения, погружает в «хаос духовного затмения» [там же, 484], а человеку с «глубоким сердцем» открыта «доброта», «справедливость», «мудрость», «божественное совершенство во всех явлениях, людях, состояниях и поступках...» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 75];
- источник художественного творчества, чувства прекрасного, возвышенного, основа постижения «художественного предмета» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 461, 545], тем самым сердце есть условие восприятия и формирования эстетических ценностей;
- подлинное основание и начало искренней веры и любви, без которых, по Ильину, невозможна жизнь человека, а «самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 233].

Таким образом, аксиологический аспект символа «сердце» выводит на систему христианских ценностных установок, нравственных идеалов, принципов существования и максим поведения, ориентирующих человека на существование под знаком вечности. «Сердце» предстает как прообраз, идеал и императив нравственного самосовершенствования «оно всегда готово помочь ему словом и поступком, послужить ему, принести ему в жертву многое другое» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 76]. Третий аспект образа-символа «сердце» конкретизирует онтологию и аксиологию человеческого существования сопряжению христианской системы ценностей с «логикой сердца», близкой не только святоотеческой традиции, но и размышлениям Блеза Паскаля. Лишь «сердечному созерцанию», как следует из слов И.А. Ильина, открывается подлинная сущность вещей.

3) Гносеологический аспект символа «сердце» представлен следующими значениями:

- «сердечное созерцание» – узел, разграничивающий интуицию, «вчувствование», «созерцательный разум» и духовный опыт, с одной стороны, и «сухое наблюдающее и анализирующее мышление», с другой стороны [Ильин. Путь духовного обновления,

- 1996, 422];
- отрыв познания от «сердца» замещает созерцание наблюдением, а разум из органа истины превращается в скептический рассудок, идея Бога выхолащивается из философского мышления, постепенно превращаясь «то в идею «субстанции вообще», то в идею «духа» вообще» [Ильин. Путь к очевидности, 421];
 - основа христианской философии, так в письме митрополиту Анастасию Ильин пишет, что «источником философии является «созерцающее сердце» – главный орган Православного Христианства» [Ильин. Митрополиту Анастасию 1999, 189];
 - орган интуитивного познания, открывающий для человека особые сферы реальности, «которые воспринимаются, открываются и обогащают дух только через сердечное созерцание» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 544-544], позволяющий «познать Божественное» [Ильин. Творческая идея нашего будущего, 1998, 226];
 - «орган духа, орган творчества, познания и жизни» [Ильин. Путь к очевидности, 542], сердечное созерцание осмысливается как условие возможности социально-культурного познания, которое обеспечивает синтез, единство «объективизма предметной культуры» и «лично субъектного самовложения» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 543];
 - выражение целостности познания, «глубокое и нежное чувствилище», «главный горн души» «именно в нем сосредоточивается и сила *созерцания*, исходя из него и возвращаясь в него» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 303];
 - условие возможности интенциональных актов, поскольку, «приемля божественный предмет всем сердцем, всею душою и всем помышлением, человек устанавливает в себе некое нерасторжимое живое единство с предметом» [Ильин. Религиозный смысл философии Три речи. 1914–1923, 73], в этом отношении «сердце» оказывается символом для описания трансцендентальных оснований духовной деятельности в целом и мышления в частности.

Как видим, гносеологический аспект символа «сердце» направлен на выявление ограниченности и односторонности отвлеченного рассудка и разума, как внешнего, наблюдающего и анализирующего мышления, оторванного от «созерцания сердца и вчувствования», удаленного от прояснения смысла человеческого существования». При этом выдвижение «сердца» на первый план означает у Ильина не слабость и недооценку рационального мышления, не утопление его в сердце, как иронизировал Г. Шпет в отношении философии сердца П.Д. Юркевича [Шпет, 1990, 632], а лишь отрицание его доминирующей роли и претензий на всеислие. Так, по его словам, «мысль, взятая сама по себе, отвлеченна и логически принудительна, но бездуховна и бессердечна» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 539-540], но при этом он подчеркивал, что «сердечное созерцание» должно быть свободно от «предрассудков прошлого» и «псевдонаучной мысли», и только в таком случае оно может стать фундаментом достижения новых целей и задач [там же, 396]. Отсюда и задачи христианской философии сводятся к постижению Бога через сердце и через самопознание сердца, к бесконечному самосовершенствованию на основе личного опыта осмысления и переживания вечности, а также на основе нравственного императива любви к ближнему и, наконец, осмыслению своего места в мире и исполнению своих обязанностей не только в отношении Бога и мира, но и в отношении к другому человеку и самому себе.

4) Нравственно-практический аспект символа «сердце» имеет следующие значения:

- центр деятельности и свободы, смысл которой, по Ильину, заключается в «религиозной

- автономии», выражающей единство автономии и теонии [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 90], когда «Высший закон» совпадает с «желанием сердца» человека [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 135]. Здесь он указывает на совпадение абсолютной необходимости с «совершенной свободой человека», так как в поступке, действии, продиктованном «Высшей силой» и вместе с тем «осязаемом в глубине сердца», происходит полная реализация человеческой воли, его решимости, жертвенного служения, искреннего сострадания. В этом проявляется существенное отличие этики Ильина, испытавшей очевидное влияние не только со стороны православного мировоззрения, но и со стороны гегелевской философии, от кантовской доктрины автономной этики. Последняя, как известно, обосновывала независимость нравственных установок от религиозных предписаний, точнее, как указывал В.В. Зеньковский, сводила религию лишь к функции этической жизни [Ильин. Борьба за Россию, 1999, 55];
- указатель вектора изменения сердца от «черствого», «пустого», «мертвого», «мрачного» к «честному», «доброму», «любящему». Изменение сердца приводит к трансформации всего человека: «все в личности перерождается – ее мысли, ее воображение, ее интересы, ее оценки, шутки, смех, речь и даже почерк; и, конечно, стремления, намерения, образ действий» [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий 1994, 124]. В этом значении сердце оказывается жизнеопределяющим и регулирующим органом, в котором сходятся воедино все функции человеческого естества, интенции души и устремления духа, именно сердце служит главным указателем «благой цели» [там же, 233], оно предстает как «разряд воли к нравственному совершенству» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 133];
 - орган религиозного опыта, никогда не позволяющий человеку остановиться в саморазвитии и побуждающий его раздвигать границы своего нравственного совершенствования, «служить благой цели» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 233]. Напротив, «человек отвергнуты и покинутый Богом... становится бессердечною, жесткою тварью» [там же, 293];
 - источник искренней любви, без него даже «доброта есть противное лицемерие» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 375], отсутствие сердца ведет к отсутствию любви, без которой невозможно служение, верность, жертвенность [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 197], в свою очередь, источником ненависти является «высыхание» и «каменение» сердца [там же, 134];
 - условие объективации внутренней жизни во внешних поступках, «что ты выбираешь и что делаешь в душе, то будешь претворять и вовне. Твое сердце проявится в твоих поступках» [там же, 183]. Также И.А. Ильин подчеркивал, что исключение сердца из внутреннего акта в деятельности человечества в целом, приводит к созданию «больной культуры», последствиями которой являются «все наши бедствия, страдания и тревоги» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 390];
 - особый дар, дающий возможность видеть внутреннее качество, достоинство человека, что является основанием справедливости, эмпатии, обостренной чуткости «к человеческому своеобразию, способности вчувствоваться в других» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 238]. В контексте философской этики И.А. Ильина справедливость мыслится в духе Аристотеля как нечто пропорциональное, базирующееся на учете определенного достоинства личности, «распределительное право должно учитывать известное достоинство» [Аристотель, 1984, 151]. Русский философ в

этой логике, с учетом разграничения арифметической и геометрической пропорциональности, выводит «идею ранга», которая укоренена в человеческом сердце и служит основанием для осуществления подлинной справедливости.

Распространение метафизики сердца на область нравственно-практической деятельности человека означает ее прямое вовлечение в сферу мысли, поэтому сердце здесь уже нечто большее, чем чувство, этот переход от метафизики сердца к философии сердца хорошо выразил Гегель. «Сердце, – писал он в «Лекциях по философии религии», – есть то, что есть я и не только в это мгновение, но я вообще, мой характер. В этом случае под формой чувства в качестве всеобщего подразумеваются принципы или привычки моего бытия, устойчивый тип моего поведения» [Гегель, 1975, 307] Следовательно, продолжает немецкий философ, «если говорят: Бог, право и т.п. должны быть и в моем чувстве и в моем сердце, то тем самым выражают лишь требование, чтобы это не только существовало в моем представлении, но и находилось бы в неразрывном тождестве со мной... эта определенность должна быть свойственной моему характеру, составлять мою действительность в целом» [там же, 307]. На этом основании он делает вывод, проясняющий интенции русской метафизики сердца: «Сердце, чувство должны быть очищены, воспитаны. Такое воспитание означает, что истинным должно стать для человека иное, высокое» [там же, 307]. Подобный же ход размышлений мы обнаруживаем и у И.А. Ильина, сумевшего объединить принципы гегелевской философии с традициями русской религиозно-философской мысли.

5) Социально-политический аспект символа «сердце» имеет следующие значения:

- сердечное созерцание является сущностью социальных отношений, «без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 545], «истинно социальное возникает из доброты сердец» [Ильин. Борьба за Россию, 1999, 411];
- необходимое условие подлинного патриотизма и даже условие обретения родины как таковой, без него невозможно постижение «ее сущности, ее своеобразия, ее развития, ее живых сил» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 545], в то же время Ильин признает, что сердце человека может оказаться и местом «воинственного шовинизма и тупого национального самомнения... и лицемерного "великодержавного" пафоса» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 173];
- сила, позволяющая разрешить противоречие между «бессердечной свободой» и «противосердечным тоталитаризмом» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 424];
- место, объединяющее у настоящего гражданина государственный и личный интерес, и такой человек «не возьмется шпионить в пользу соседнего государства; не будет кривить в государственном деле за взятку; он не станет подрывать валюту своей страны спекуляциями; он не захочет обогащаться вредным для своего государства импортом и т. д.» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 245];
- одно из средств создания, наряду с правосознанием, гуманного, справедливого и законного строя «общественной жизни свободных индивидуальностей» [Ильин. Борьба за Россию, 1999, 410];
- основание миролюбивой политики, «революции, гражданские и международные войны – не случайны: они суть естественные выражения сердечной жесткости, алчности, зависти и ненависти» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 391].

Социально-политический аспект образа-символа «сердце» указывает на способность

человека не только к самопознанию и самооценке, но и к формированию себя как целостной личности, осуществляющей «волевые акты», реализующей свой духовный потенциал в общественной и государственной жизни и тем самым преобразующей окружающую действительность в соответствии с христианскими идеалами любви к ближнему, самопожертвования, служения.

Результаты исследования

Логико-контекстуальная реконструкция позволила показать многогранность смысловых значений образа-символа «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина. Русский философ применяет специфический язык для раскрытия основных сторон человеческой жизни, показывая глубокую противоречивость внутреннего и внешнего бытия личности. Сердце предстает как символ (1) базисной структуры человеческого бытия, (2) христианской системы ценностей, (3) целостного, истинного знания, (4) нравственного самосовершенствования личности, (5) духовного центра общественно-политической жизни.

Следует отметить, что в философии И.А. Ильина отчетливо проступает неудовлетворенность доминирующей в то время позитивистско-прагматической парадигмой человека и общества. Данная парадигма проявлялась не только в либеральных построениях, но также и в марксистских и праворадикальных учениях, господствовавших в середине прошлого столетия, а философия сердца Ивана Ильина скорее вдохновлялась феноменологией, мотивами характерными для экзистенциализма, гегелевским учением о Боге и человеке, и особенно православным богословием.

Заключение

Философия «сердца» Ивана Ильина с ее экзистенциально-личностным пониманием Бога и веры уточняет наши представления как о религиозности русского человека в период цивилизационного слома, выразившегося в мировых войнах и революциях, так и об особенностях и закономерностях формирования отечественной философской антропологии. Аспекты и компоненты предложенной концептуальной модели феномена «сердце» могут, несомненно, уточняться и пересматриваться. Вместе с тем методология и техника контекстуального анализа многомерного и многозначного символа-философемы «сердце» позволяет перевести общие рассуждения о «философии» и «метафизике сердца» в русло количественных и качественных (по компонентам и аспектам) оценок антропологических идей того или иного мыслителя.

Библиография

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53-293.
2. Бурханов Р.А. Метафизика и антропология «сердца» и «сердечной любви» И.А. Ильина // Манускрипт. 2017. № 2 (76). С. 45-48.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 532 с.
4. Зеньковский В.В. Автономия и теонмия // Путь. 1926. № 3. С. 46-64.
5. Ильин И.А. Борьба за Россию // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9-10. М.: Русская книга, 1999. С. 316-415.
6. Ильин И.А. Митрополиту Анастасию // Ильин И.А. Собрание сочинений: Письма и мемуары (1939–1954). М.: Русская книга, 1999. С. 189-191.
7. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 227-380.

8. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 38-282.
9. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 381-572.
10. Ильин И.А. Религиозный смысл философии Три речи. 1914–1923 // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 16-88.
11. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 452-572.
12. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 90-226.
13. Самсонова Т.П. Концепция «поющего сердца» в философии И. А. Ильина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 109-115.
14. Шпет Г.Г. Философское наследие П.Д. Юркевича (К сорокалетию со дня смерти) // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 575-638.

Image-symbol "heart" in philosophical anthropology of I.A. Ilyin

Nikolai V. Chestneishin

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of history, philosophy and law,
branch of the Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov in Severodvinsk,
164500, 6 Kapitana Voronina st., Severodvinsk, Russian Federation;
e-mail: hobson@yandex.ru

Diana A. Chestneishina

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of philosophy and sociology,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163002, 17 naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangel'sk, Russian Federation;
e-mail: irmavurst@gmail.com

Abstract

The purpose of the article is a structural representation of the image-symbol "heart" in the philosophy of I.A. Ilyin. Based on the methods of analytical philosophy, hermeneutics, logical-contextual reconstruction and a systematic approach, the article reveals the systemic-logical framework and the meaning-forming components of the image-symbol "heart" in the philosophical constructions of I.A. Ilyin, based on the contextual features of a particular work, its cultural and historical conditions and connections with other works of the author, as well as taking into account the ideological sources and influences of other thinkers. A contextual reconstruction of the main meanings of this philosopheme in the existential-ontological, axiological, epistemological, moral-practical and socio-political aspects has been carried out. The authors come to the conclusion that the philosophy of the "heart" of Ivan Ilyin clarifies our ideas both about the religiosity of the Russian people during the period of civilization breakdown, expressed in world wars and revolutions, and about the features and patterns of development of domestic philosophical anthropology. The

conducted research makes it possible to translate general discussions about the "metaphysics of the heart" into the mainstream of quantitative and qualitative assessments of anthropological ideas. The applied methodology makes it possible to extrapolate the used analysis technique to the philosophical concepts of other thinkers.

For citation

Chestneishin N.V., Chestneishina D.A. (2022) Obraz-simvol "serdtse" v filosofskoi antropologii I.A. Il'ina [Image-symbol "heart" in philosophical anthropology of I.A. Ilyin]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 189-198. DOI: 10.34670/AR.2022.47.92.019

Keywords

Image-symbol, heart, subjectivity, ontology, epistemology, axiology, anthropology.

References

1. Aristotel' (1984) Nikomakhova etika [Nicomachean ethics]. In: Aristotel'. *Sochineniya: V 4-kh t. T. 4* [Aristotle Works: In 4 vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 53-293.
2. Burkhanov R.A. (2017) Metafizika i antropologiya «serdtsa» i «serdechnoi lyubvi» I.A. Il'ina [Metaphysics and anthropology of the "heart" and "cordial love" of I.A. Ilyin]. *Manuskript* [Manuscript], 2 (76), pp. 45-48.
3. Gegel' G.V.F. (1975) *Filosofiya religii. V 2-kh tomakh. T. 1* [Philosophy of religion. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ.
4. Il'in I.A. (1999) Bor'ba za Rossiyu [Struggle for Russia]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 9-10* [Ilyin I.A. Collected Works: In 10 vols. Vol. 9-10]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 316-415.
5. Il'in I.A. (1999) Mitropolitu Anastasiyu [Metropolitan Anastassy]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: Pis'ma i memuary (1939–1954)* [Ilyin I.A. Collected Works: Letters and Memoirs (1939–1954)]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 189-191.
6. Il'in I.A. (1994) Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsanii. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Singing heart. The book of quiet contemplation. Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 227-380.
7. Il'in I.A. (1996) Put' dukhovnogo obnovleniya [The path of spiritual renewal]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 1* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 1]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 38-282.
8. Il'in I.A. (1994) Put' k ochevidnosti [The path to the obvious]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 381-572.
9. Il'in I.A. (1994) Religiozniy smysl filosofii Tri rechi. 1914–1923 [Religious Meaning of Philosophy Three Speeches. 1914–1923]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 16-88.
10. Il'in I.A. (1998) Tvorcheskaya ideya nashego budushchego [Creative idea of our future]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 7* [Collected works: In 10 vols. Vol. 7]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 452-572.
11. Il'in I.A. (1994) Ya vglyadyvayus' v zhizn'. Kniga razdumii [I look into life. Book of thoughts]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 90-226.
12. Samsonova T.P. (2017) Kontseptsiya «poyushchego serdtsa» v filosofii I. A. Il'ina [The concept of "singing heart" in the philosophy of I. A. Ilyin]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 1, pp. 109-115.
13. Shpet G.G. (1990) Filosofskoe nasledie P.D. Yurkevicha (K sorokaletiyu so dnya smerti) [Philosophical heritage of P.D. Yurkevich (To the fortieth anniversary of his death)]. In: Yurkevich P.D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: Pravda Publ., pp. 575-638.
14. Zen'kovskii V.V. (1926) Avtonomiya i teonomiya [Autonomy and theonomy]. *Put'* [Path], 3, pp. 46-64.